

ТОРЖАРИ

РЕФЛЕКС

НАЧАЛО

ОДРИНСКИЙ А.В.

Андрей Одринский
Рефлекс. Начало

«Автор»

2026

Одринский А.

Рефлекс. Начало / А. Одринский — «Автор», 2026

«Рефлекс. Начало» — первая книга серии «Дримхакеры». Ты когда-нибудь просыпался внутри сна? Не просто помнил, что снилось, а понимал: «Я сплю. Это — сон. Я могу здесь всё». Журналист Андрей видел поле, цветы, услышал вопрос. Брокер Юрка встретил на дороге незнакомца, который назвал его «драйвер». Хирург Галя после дежурства нашла в руке тёплую фигурку, которой там не было. Пожарный Валерка вышел из комы — и потерял ту, кого спасал. Есть фигурки - внутри каждой — свёрнутый бог. Запечатанный тысячулетия назад, он заперт и страдает в искажённом потоке времени. Но если бог прорвется на свет - воплотятся самые жуткие сны... А за кулисами реальности — Система. Операторы следят за «резонансом» — мерой твоего влияния на мир. Их инструменты — стирание памяти, подмена судеб и жертвы. Их цель — не дать человечеству вспомнить, кто оно на самом деле. Но есть те, кто сопротивляется. Те, кто входит в сон осознанно. Те, кто видит трещины в реальности. Они называют себя дримхакерами.

© Одринский А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Одринский

Рефлекс. Начало

Рефлекс Начало Книга 1

I из *Дримхакеры*

Одринский А.В.

Оценка: *****

Теги: городское фэнтези, мистика, нон-фикшн, осознанные сны, практики, триллер, фантастика

Аннотация

«Рефлекс. Начало» — первая книга серии «Дримхакеры».

Ты когда-нибудь просыпался внутри сна?

Не просто помнил, что снилось, а понимал: «Я сплю. Это — сон. Я могу здесь всё».

Журналист Андрей видел поле, цветы и получил вопрос. Брокер Юрка встретил на дороге незнакомца, который назвал его «драйвер». Хирург Галя после дежурства нашла в руке тёплую фигурку, которой там не было. Пожарный Валерка вышел из комы — и потерял ту, кого спасал.

Есть фигурки - внутри каждой — свёрнутый бог. Тюрьма из окаменевшего времени. Запечатанный тысячелетия назад, он страдает в искажённом потоке времени. Кто-то сходит с ума за год, кто-то проживает эпохи в одном мгновении. Но если бог вырвется на свет — тогда воплотятся самые жуткие сны.

Единственное, что поддерживает его — твоё воспоминание. Взгляд. Мысль: «Интересно, кто это такой?»

А за кулисами реальности — Система. Операторы следят за «резонансом» — мерой твоего влияния на мир. Их инструменты — стирание памяти, подмена судеб и жертвы. Их цель — не дать человечеству вспомнить, кто оно на самом деле.

Но есть те, кто сопротивляется. Те, кто входит в сон осознанно. Те, кто видит трещины в реальности.

Они называют себя **дримхакерами**.

Они знают: реальности физических миров — лишь колода карт в руках Системы. Но колоду можно перетасовать. Дверь - открыть. Сон взломать. Реальность изменить. Вопрос только в цене...

Мистический триллер и одновременно практическое пособие по осознанным сновидениям в сюжете. Для тех, кто ищет ответы.

→ Телеграм-канал: [@dreamhackersbook](#)

→ Бот с квестом и закрытыми материалами: [@Dreamhacker17Bot](#) — активируй код из главы книги и заberi «Дневники Германа», библия мира и расширенный практикум.

P.S. В сюжете заложены действующие методы и практики осознанных сновидений.

Спокойной ночи, дримхакер. Нас ждёт вечность.

Кто есть кто в этой книге

Андрей — журналист. Он видел странный сон - поле, цветы, сияющее небо. Ему был задан вопрос. И он не понял, что это только начало.

Юрка — друг Андрея, брокер. Любит розыгрыши. Однажды на дороге его спас незнакомец. Тот назвал его «драйвер».

Галя — врач-хирург. Однажды после дежурства она проснулась с фигуркой в руке. Фигурка была тёплой.

Валерка — бывший пожарный. Он спас девушку из огня. А потом потерял её. И вышел из комы.

Антон — диджей. Он знает, как вызывать духов. И ещё кое-что. Но молчит.

Армен и Тата – влюбленные, однажды они погибли, но Система не терпит резонансов. У них своя ветка.

Остальные — друзья, гости. **У каждого своя тайна.**

Все они пока не знают главного: за ними следят.

... Пространство и время - фундаментальные основы Вселенной, на которых строится наше осознание и является мерой, с которой мы сверяем наш мир. Но что такое пространство и время?

Человеческое восприятие всегда стремится заковать свой опыт в законы, догмы и правила, но, возможно, что пространство и время не так фундаментальны, как мы думаем, оценивая все вокруг человеческими необъективными конструкциями.

Если допустить, что эти аспекты не являются истиной, то возможны иные невероятные горизонты бесконечной Вселенной...

«... Распространение данной книги одобряем. Информированная личность несет ответственность за использование знаний, заложенных в сюжете...»

Оператор Ветви точки ВиП (Времени и Пространства)

... чего ты хочешь???

-Я? Хочу сделать мир лучше!!!

...Хмм...

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЧАЛО.

Погоня

Холодная дрожь по спине от пронзительного крика: – Ст-о-о-ой, твааррь, - переходящего в утробный животный рык, подстегивает стремительный бег человека по темному переулку. Тяжелый рюкзак бьет по спине, тянет вниз. Беглец, не раздумывая, сдёргивает его с плеч, швыряет назад.

Слюни текут из сведенного ужасом и одышки рта, глаза застилает влага, хрипящая боль рвет лёгкие, колет бок, подгибаются ноги. «Может, отстанут???» - вспыхивает мысль, но рев раздаётся прямо за спиной: - Попался, ссуука!!! - тяжелая, хваткая лапа цепляет за капюшон.

- А-а-а, - кричит человек, судорожно вырываясь и выкручивая торс, с треском лопаются ремни, захлестывающие одежду крест-накрест по груди и спине, оставаясь в лапах, руках, когтях? преследователя, человек падает в лужу, поднимается, бежит, спотыкаясь, дальше.

Ощущение бесконечного кошмара из детских снов, где нельзя проснуться, беспомощность и обреченность холодит сердце, сводит с ума...

- А-а-а, - вопль стоит в ушах, срываясь в хрип бессильного отчаянья. – Н-е-ет!!! - человек в грязной, рваной одежде ныряет в проулок справа.

«Скрыться!!!»

Мчится по сумрачному коридору, сворачивает, видит приоткрытую деревянную дверь, прыжком влетает в неё и, ослабев, закрывает на задвижку за собой. Ноги подкашиваются, человек оседает на корточки, опирается о стену, встаёт, тяжело дыша, быстро оглядывается.

Пустой, серый, пыльный чулан, ветхие обои, напротив - провал окна с осколками мутного стекла. «Выход! Туда!» - рывок в проем – «Спасён!»

Дверь трясет от яростных ударов, трещит, прогибается, летят куски штукатурки и кирпичного крошева. Насквозь рвет полотно лезвие топора, следующий удар сносит половину створки.

Затравленный взгляд, движение прочь – но окно стремительно зарастает сплошным бетоном, стеклянные шипы вспарывают бумажную труху стен, наливаясь кровавым рубином.

«Конец» – гаснет мысль отчаянья – в щепки разлетается разбитая дверь и под торжествующий рев охотников человек обреченно падает на колени...

Андрей вздрогнул и проснулся. Нервно огляделся по сторонам, выдохнул: «Опять этот сон, – подумал он, – но какой реальный, зараза».

Андрей провёл ладонью по лицу — пальцы дрожали. В вагоне было душно, но внутри, под рёбрами, застыл мутный, холодный ком.

Он посмотрел на свои руки — на них ничего не было. Ни крови, ни грязи. Только смутное воспоминание о погоне, о ревущих голосах, о топоре, пробивающем дверь. Но это же был сон. Просто сон. Почему же тогда сердце до сих пор колотится, как у загнанного зверя? «Бред, просто сонный бред»

Поезд метро нырнул в очередной тоннель – ехать предстояло до конечной станции и Андрей, обхватив себя руками, прикрыл глаза, задремал...

... Мчавшийся по темному тоннелю состав выскочил на просторный перрон следующей станции. Андрей, позевывая, встал, потянулся, разминаясь, огляделся по сторонам – пустой вагон в столь поздний час вызывал отчаянную скуку. «Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Алтуфьево, конечная», – раздался бодрый голос машиниста, зашипела пневматика, закрылись двери.

Новенький, чистый, удобный метropоезд мягко набирал скорость. Андрей встал ближе к кондиционеру, прислонившись к поручню, бездумно уставился на закрытую форточку.

Вагон резко дернулся на ходу, мигнул свет и внезапно по окну напротив скользнула змейкой сеть трещин и сколов, а на блестящей новой краской раме появилась серая пыльная паутина царяпин...

Оглянувшись, увидел обветшалый вагон, ряды рваных сидений, жгуты проводов, торчавших сквозь ржавые панели. Разбитые плафоны раздражающе мерцали, раскачиваясь, срывались с петель. Жесткий скрип экстренного торможения ворвался в уши, швыряя на грязный пол, падая, он вытянул руки и... проснулся.

Он дал мир?

- Осторожно, двери открываются, станция Алтуфьево, конечная, поезд дальше не идёт, просьба выйти из вагона, - зашипел в динамиках усталый голос машиниста, щелчком оборвавшего связь. Андрей, вздрогнув, поднял голову, захлопал глазами.

Двери старого вагона метро, судорожно подергиваясь, застревают в проеме, лязгая, распахнулись. Не дожидаясь окрика вечно хмурого дежурного по станции, выгоняющего запоздалых пассажиров, он встал, накинул лямку рюкзака на плечо.

На ватных от дремы ногах вышел в тёплый, пахнущий машиной гранитный зал конечной станции.

Неторопливо зашагал по широкой платформе, затем быстро, разгоняя онемевшее ото сна тело, поднялся по ступенькам подземки...

Выйдя из вестибюля метро в сумрачный сентябрьский вечер, Андрей достал сигареты, поискал зажигалку. «Нет. Забыл. Курящие есть?» Оглянувшись на залитую светом фонарей площадь, обратился к идущему следом лысому мужику в кожанке:

- Курите? Огонь найдется?

- Завязывай с этим, парень! Бросил, лет десять, как!

Не обращая на него внимания, лысый поспешил к фастфуду напротив выхода. Накрапывал лёгкий осенний дождик, оставляя на асфальте усыпанные листвой переливающиеся радужные лужи. Немногочисленный народ выбежал из Ростикс, допивая напитки и, жуя на ходу бургеры, нырял в теплое нутро перехода метро.

На остановке, обляпанной обрывками бумажного спама с призывами сдать-снять, посетить единственную в этом году выставку меха, меда и варенья, было весело и шумно.

Развалившись на скамейке, трое мужиков выводили хриплыми баритонами «...Выйду ночью в поле с конём, ночью тёмной тихо пойде-е-ем...».

Очевидно, под конем подразумевалась пустая бутылка паленого коньяка, валявшаяся под ногами исполнителей, подумал Андрей, улыбнувшись.

Несколько женщин, в сторонке, укрывшись зонтами, крайне неодобрительно наблюдали за стихийным концертом местной «Фабрики звезд».

Рядом с остановкой на аварийках кучковались смуглые таксисты, карауля поздних пассажиров, посмеиваясь, украдкой снимали шоу на камеры смартфонов.

Остальные проходили мимо, спеша по своим делам, уткнувшись в гаджеты, слушая в наушниках любимые треки, не обращая никакого внимания на пьяный мужской хор – чего только не увидишь в Москве поздним погодным вечером.

Услышав песню, Андрей вспомнил, как замечательно провел это лето. На этот раз он решил не лететь в Турцию с ее олл-инклюзивными пляжами и зарядками пузанов под бодрые крики неугомонных аниматоров, а поехал с друзьями автоколонной на вечно юный Казантип.

Одной из постоянных традиций, при шествии к морю, через поле, заросшее сорняками, выгоревшими от южного солнца, являлось пение подшафе именно этой композиции, наверняка исполнявшаяся ими ничем не лучше и не хуже того, что он слышал сейчас.

Встав рядом, скинул смс «на месте» Юрке, с которым они дружили с института — раньше их семьи жили на одной лестничной клетке, в соседних квартирах.

Здесь, на высокой ноте, пухлый, крупный мужик, не удержав рвущийся из души порыв, широко махнул ручищей вправо и впечатал голову сидящего рядом соисполнителя в пластик остановки. Тот, отключившись, мягко сполз спиной по скамейке к ногам коллег, так, что его голова уютно устроилась на коленях нечаянного агрессора.

Впрочем, потеря личности была краткой – упавший мужчина приподнял голову и с мутной обидой на помятом лице вцепился зубами в ляжку, на которой прилег.

Укушенный толстяк, не понимая источник, взвизгнул на высокой ноте: «...Кааанем!!!» и с размаха хлопнул ладонью по макушке лежащего на его бедре приятеля – тот мгновенно ушел в небытие, рухнув к ногам дружков, унося в бессознательное причину своего падения.

Даже самые хмурые наблюдатели не сдержали улыбки, увидев финал вокальной эпопеи. Растормошив, привели в чувство, усадили на скамейку. Бабули с удовольствием принялись рассказывать всему трио о вреде алкоголя и до чего они могут докатиться своим беспутным образом жизни.

Мужички вяло отмахивались, даже не пытаясь возразить. Цапнутый озабоченно потирал ляжку со следами слюнявого укуса.

Тем временем подошел транспорт и увез всех ожидающих в своем теплом, уютном салоне, разгоня опавшую листву по бордюрам.

Андрей проводил его взглядом – ярко освещенный новенький электробус был по-своему красив.

Кто-то из удалявшегося «электрона» отчаянно махал кому-то рукой, прижавшись лицом к стеклу последней двери. Андрей флегматично обернулся, ожидая услышать топот опоздавшего пассажира, но площадь жила своей жизнью, да и в целом пустовала, только у куриного общепита стояла стайка молодых ребят.

«Ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту» - пропел сигнал Юркиной Хонды, зарулившей на парковку напротив остановки, приоткрылось окно, водитель помахал рукой, привлекая внимание.

Андрей поспешил через дорогу к автомобилю, бросив в ноги рюкзак, сел на сиденье рядом с водителем.

- Хай, мэн! Сейчас на хату заскочим, чай-пиво попьем, народ собрался уже, тебя да Валерона ждали, – задорно заметил Юрка. Хлопнул по подставленной ладони:

- Как сам? Книгу дописал? Дома все норм?

- Норм, вот, застрял в одном месте, ничего в голову не идет...

- Ничего, развеешься, все получится, а о чем сюжет-то хоть? Секрет? Я там буду?

- Мистика, фантастика, прототип одного из героев с тебя писал, такой же баламут.

- Баламут? Ха! Ну тогда поехали, забаламутим! - скаламбурил Юрка, дав по газам, помчался по мокрому асфальту, визжа покрышками на поворотах. Одновременно, не отрываясь от дороги, включил на магнитоле ритмичный хит.

Доехали быстро - уже через пять минут парковались во дворе дома.

- Ну что, готов к новым приключениям? – загадочно улыбнулся Юрка, щуря зеленые, как у кота глаза.

Приключений в жизни Андрея было немало. Ему повезло родиться и жить при СССР.

Тогда он, первоклашка, весь пунцовый от волнения, получил заветный значок октябрёнка. Впереди ждала пионерия и комсомол. Но казавшийся нерушимым союз распался на множество суверенных государств.

Его семье, родственникам, отдавших силы, молодость и здоровье во благо империи, не нашлось места под сенью новых республик.

Во многом благодаря воспитанию консервативных родителей, Андрей ко всем невзгодам относился легко - жизнь в эпоху перемен только закалила его волю, он не озлобился и не стал циником в свои 35 лет.

В общем, обычный мужчина, средних лет, привыкший полагаться на себя и свои возможности, ничего необычного. За исключением, возможно, одного – высокий, стройный, с правильными чертами лица, яркими синими глазами, он невольно притягивал внимание окружающих.

"Приключения, - улыбнулся Андрей про себя, - вся жизнь - сплошные приключения. Жаль, не всегда приятные", но спросил у друга: - А кто будет? Я всех знаю? Что в планах?

- Да будет один испытатель запредельного, - засмеялся Юрка, - чудик, Антоха, познакомимся, остальных знаешь, все наши. Галя, Валерка и я везем всех. Ты вещи для дачи взял? Сапоги? По грибы пойдём, да порыбачим на островах, - он критично глянул на кроссовки Андрея.

- Шутишь, конечно, когда ещё получится с нашими выбраться, - отмахнулся Андрей. - Даже перчатки старые прихватил, на всякий. Еще Валерку ждем? Что там?

- Ага, сломался, но уже едет из своего сервиса, думаю, минут десять-пятнадцать. И оставляй рюкзак, там тащить еще всего.

Выйдя из машины, направились к подъезду многоэтажки. В лифте Андрей вскользь заметил на стене, среди измалеванных черными неряшливыми граффити надпись красным, выполненную аккуратным каллиграфическим почерком: "Он дал мир".

" Кто он? Дал, кому? Какой мир? Звучит, как мантра какая-то - Он-Дал-Мир", - закрутилась в голове карусель беспорядочных мыслей, но открылись двери лифта и они вышли на площадку.

- Открывай сова, медведь пришёл! - Юрка буквально вломился в квартиру. – Встречайте нас с Андрюхой!

В ответ раздался дикий рёв и стук по столешнице - компания расположилась на большой кухне за столом и развлекалась – ребята и девчонки играли в карты, обсуждая разные темы,

шумела музыкой колонка, Галя сидела на подоконнике с сигаретой и чашкой кофе, пуская дым в открытое окно.

Разуваясь в коридоре, Андрей заметил два кофра с гитарами на вешалке – значит, Тата и Армен снова будут играть и петь дуэтом, как в прошлый раз, у костра на поляне... Это было очень красиво.

Приветствуя всех, опустился на стул рядом с Антоном, взял протянутую банку прохладного пива.

За столом шла жаркая дискуссия, разделившая собеседников на два лагеря – одни выступали с позиции - мир прост и обычен, другие искали что-то запредельное и непознаваемое.

- Так ты считаешь, что мы все знаем и нет ничего загадочного? - горячился Серега, самый молодой и неумный в их компании, смешивая колоду – проиграл на этот раз. Повысил голос, приводя свои аргументы:

- А ты в курсе, что мы до сих пор не понимаем, что такое обычный свет и откуда он берётся? И вызывающе откинул непослушную челку с лица, вперив торжествующий взгляд в собеседника.

- Знаю! Он берётся из розетки! - под общий хохот, Юрка, стоявший в дверях кухни, пару раз щелкнул выключателем света: - В чем сыр-бор? О чем спор? Опять Серега воду мутит, маг-недоучка? И разлохматил кудрявую копну волос на голове Сереги.

- Отстань! А почему недоучка? - отмахнулся Сергей: - У меня, между прочим, даже диплом экстрасенса есть!

Окружающие захохотали ещё громче, а маг с дипломом потемнел лицом и, бросив карты, готов был взорваться возмущением, когда заговорил Антон, все это время с улыбкой наблюдавший за словесной баталией. Его мягкий и звучный голос, казалось, заполнял пространство. Все притихли, даже колонка зависла и замолчала.

"Забавно, как вовремя", - отметил про себя Андрей, невольно вникая в суть происходящего.

- Ваш спор, как мне видится, не имеет смысла, - начал Антон. - ведь вопросы в одной системе координат, а ответы лежат в другой, - улыбнувшись, обвёл всех взглядом: — Это моё мнение, не навязываю, только тема длинная, а нам, наверное, уже пора?

Запиликал домофон и Юрка со словами «а вот и Валерон», пошёл открывать дверь.

Серега загорелся:

- Интересная идея, давайте обсудим, а что ты имеешь в виду под системой, этих, координат???

- Например, когда, задавая сложные вопросы, мы ищем ответы в том, что от нас скрыто нашими же предубеждениями, считая, что все непостижимо и загадочно. Обычно все гораздо проще, - невозмутимо отвечал Антон, - и, как правило, лежит на поверхности. Зачастую ответ кроется в самом вопросе, Сереж.

Но зашедший на кухню Валерка, прервал диалог: - Всем привет, драйверы!

На вопрос, что случилось, отмахнулся: – Ерунда, всего делов - закисшие клеммы. Мою руки, кофе и поехали! Хлеб и специи купил, если что.

Пока опоздавший пил горячий напиток, остальные дружно собирали все по сумкам. Юрка командовал — это берём, а вот это есть на месте, пока под дружный хохот ему не натянули на нос вязаную шапку: отстань, зануда. Каждому достался увесистый пакет, даже девочкам пришлось помогать.

Ребята накинули рюкзаки и кофры, а Антон помимо всего повесил на плечо чехол с чем-то плоским и широким внутри, бережно прижимая к боку.

- Деку тоже взял? - спросил более осведомлённый Юрка. - Что играть будешь?

Антон мягко улыбнулся: - По настроению.

- Если что, Антоха у нас профессиональный DJ, - заметил Валерка, - сводит круто. Ладно, вниз, по коням!

Уложив вещи по машинам, ребята устроили шутливый спор, кто едет с Галей, затеяли борьбу в куче осенних листьев. - Так, это что такое? Не пушу в машину листопад! - засмеялась она. - Отряхивайтесь, да поехали уже.

Галя недавно появилась в компании, но сразу пришлась всем по душе - позитивная, легкая в общении и без намеков на более, чем дружбу, что полностью устраивало девчонок и не совсем - парней.

За полгода знакомства никто так и не сумел покорить синеглазую брюнетку, обладающую привлекательной фигурой и внешностью. Но ребята продолжали выделяться, впрочем, не переходя рамок, сразу обозначенных девушкой.

Покурили на дорожку, разошлись по машинам, с Юркой и Андреем в машину сели Антон и Серега, молодая влюблённая пара Леся и Лешка поехали с Галей, а Валерка забрал Тату и Армена.

- Ехать часа полтора, - заметил Юрка. - Скинул всем точку, ждать не будем. Так что пока всем можно поспать.

Хонда покатила по вечерней Москве, Андрей вытянул ноги и откинул спинку кресла, было тепло и уютно. Глаза слипались и незаметно для себя он задремал, окунувшись в сон.

Первый ОС

Ему приснилось:

... Обрамленное лесом зеленое поле, яркое от полевых цветов, желтая тропинка бежит к изящным деревянным домам деревушки вдаль, знойное и жаркое лето, журчащий прохладой ручей... А где солнце?

Андрей посмотрел вверх – просто голубое небо без светила и облаков? Озадаченно посмотрел на ноги в камуфляже и берцах – зачем они, лето? - Что?

Смутное сомнение в реальности происходящего: почему я смотрю на эту мирную идиллию сквозь прорезь автоматного прицела?

Пальцы крепко сжимают цевье АК, холод ствольной коробки, прижатой к щеке, глаза, прищурившись, ищут цель...

Но окружающее было так чуждо оружию, берцам, войне, что он отбросил в сторону ствол и огляделся вокруг.

Тягучая мысль: «Какой-то пасторальный сонный бред...» и, вспышка догадки, озарением - да я сплю! Это же сон!

Только он подумал — мир всколыхнула волна перемен, центром которой стал он сам. Долину залил мягкий, ласковый свет, которого он никогда не видел наяву — нежный, живой, струящийся сквозь пальцы.

Перламутровые облака затянули бездонную синеву небосвода. Трава под ногами вспыхнула изумрудным сиянием, а её запах — свежий, сладкий, почти осязаемый — сводил с ума.

Хотелось перебирать пальцами каждую травинку, ловить губами капли росы, вглядываться в нежное свечение каждого бутона. В симфонию света незаметно вплелась тихая мелодия — гармоничная, первозданная, как само дыхание мира.

Райское место, зачем здесь оружие? Андрей упал на колени и протянул руки к полевым цветам, блаженная гармония и счастье переполняли душу, хотелось плакать и смеяться от безумного ощущения любви и света, как себя самого, созданного из света и любви. - Я дома, это мой дом, - зашептал Андрей. — Это божественно!

Он видел свои руки, нежно перебиравшие стебли, чувствовал каждую росинку на листьях, мягко стекающую под его прикосновениями, ощущал невероятную нежность и слышал звук каждой капли, впитывающейся в землю. Совершенство звука и пространства, сияние бесконечной любви Творца...

- Боже! Это волшебно! – восторг переполнял его душу, слезы текли по щекам.

Но ветер, казалось, несущий само дыхание жизни, застыл, как хрупкий лед, все замерло вокруг, стихла мелодия, звеневшая хором тысячи голосов.

Мир свернулся, потускнел в серую пелену и мглу. Исчезло солнце, тучки, в зените зависло дымное кольцо, закручиваясь в черный шнур.

Пронзающая до каждой клеточки волна изменений мгновенно отрезвила его и, проникая в сознание, повис тяжелый ВОПРОС:

- ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

Светлый от впечатлений разум-облик Андрея закричал в ответ:

- Я? Хочу сделать мир лучше!

- Иначе зачем быть? - продираясь сквозь сумрачное безразличие сна, затягивающего в омут безмыслия, подумал-сказал он.

- Хмм, попробуй... - услышал? воспринял Андрей вслед.

Белая стена светящегося тумана, свиваясь в спираль, отрезала от мира и затянула за собой в дымящийся холодный колодец...

Оператор сектора: Стабильный всплеск субъективного резонанса более 3 б.п., с тенденцией увеличения амплитуды осознанности - прошу предоставить допуск А3. Уточнение: Резонанс 2 б.п. — зафиксирован переход между состояниями

Администратор сектора: Коррекция А3 отклонена. Субъект не осознан. Объективные намерения не проявлены. Решение: запуск дублирующей ветви событий, Д17-1 со сбросом резонанса в дубль, применение – более 4 б.п. Текущая ветвь событий Д17 не меняется. Пассивное наблюдение.

Оператор Ветви: Одобрено. Контроль субъекта отменить.

Андрей вздрогнул всем телом, выныривая из сна, будто его выдернули за шиворот из тёплой воды. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, а в голове звенела пустота — тяжёлая, липкая, как застывший кисель.

Он попытался ухватить сюжет, зацепиться за образы — поле, цветы, свет? — но воспоминание рассыпалось в памяти, как песок, струящийся сквозь пальцы.

Осталась только тошнотворная пустота и ощущение, что из головы вынули что-то важное, оставив зияющую дыру.

— Ты чего? — Юрка покосился на него, не отрывая рук от руля. — Кричал что-то. Еле разбудил тебя. Чуть в кювет не уехали.

— Кричал? — Андрей потёр лицо. — Не помню.

— Ну да, минут пять назад. Я уж испугался, думал, приступ.

Андрей оглянулся назад. На заднем сиденье Антон и Серега сидели каждый в своём кресле, уткнувшись в экраны телефонов. В ушах у обоих торчали наушники, на губах — расслабленные полуулыбки.

Свет от дисплеев освещал их лица неровным синим светом. Кто-то из них — кажется, Серега — беззвучно шевелил губами, повторяя реплики персонажей.

— Сериал смотрят, — пояснил Юрка, проследив за его взглядом. — Я сказал, чтобы не мешали, короче, заснул ты, Андрюх. Крепко. Даже всхрапывал.

— Всхрапывал? — Андрей попытался улыбнуться, но лицо слушалось плохо. — Извини.

— Да ладно, — Юрка хлопнул его по плечу и снова уставился на дорогу. — До дачи полчаса. Если хочешь, доспи. Только не ори больше, лады?

Андрей кивнул, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. И вдруг, перед внутренним взором снова всплыло поле — яркое, залитое светом, с цветами, пахнущими так сладко, что хотелось плакать. Вспомнил! А потом был черный круг, стена тумана... И голос, тяжёлый, давящий:

«Чего ты хочешь?»

Он хотел ответить. Но не успел — сон ушёл, оставив только смутное, тянущее ощущение внутри. Казалось, он забыл что-то важное, потерял ключ, который никогда не держал в руках.

Андрей вздохнул и рассеянно посмотрел в окно. Лес за стеклом был густым, чёрным, только изредка фары выхватывали из темноты мокрые стволы берёз и низкие кусты.

И вдруг он увидел это.

Сначала Андрей подумал, что видит просто тень — сгусток черноты между двумя берёзами, кусок ночи, который случайно сгустился в форму человека. Но тени не стоят, они лежат, мечутся. А это — высилось неподвижно, мертво. Неподалёку от дороги, метрах в пятнадцати, прямо у кромки леса. И оно смотрело.

В нём не было лица. Не было глаз, рта, ничего, что можно было бы назвать чертами. Но Андрей чувствовал его взгляд — тяжёлый, плотный, почти осязаемый. Словно кто-то навалился на стекло всей своей массой, будто кто-то дышал в затылок, хотя расстояние между ними было больше десятка метров.

Фигура не шевелилась. Она просто была. Чёрный провал в форме человека, из которого сочился холод — не тот, что пробирает до костей, а тот, что вымораживает мысли. Останавливает сердце. Стирает всё, что было до этого момента.

Андрей хотел отвести взгляд, но не мог. Что-то держало его, приклеивало к этому месту, заставляло смотреть в пустоту там, где должно быть лицо. И в этой пустоте ему почудилось... узнавание — фигура ждала только его. Она знала, что он проснётся именно в этот миг — и подчинится. Выйдет из машины. Сделает шаг. Туда, откуда нет возврата.

Воздух в машине стал тяжёлым, словно кто-то выкачал из салона весь кислород.

Юрка рядом что-то говорил, но слова доносились как сквозь толщу воды — неразборчивые, далёкие, неважные. Андрей чувствовал, что пальцы тянутся к ручке двери, напряглись ноги, готовые к рывку. Но куда? От чего?

— Андрюх? — голос Юрки донёсся будто сквозь вату. — Ты чего уставился? Там ничего нет.

Андрей моргнул. Только сейчас заметил, что взялся за ручку двери машины, пытаясь открыть изнутри. Он хотел выйти? На ходу?

Фигура исчезла. Не растворилась, не отошла в темноту — просто перестала быть. Остался только лес. Только мокрые стволы. Пустота на том месте, где секунду назад давила на него тяжесть чужого внимания.

— Показалось, — сказал Андрей, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику. — Просто... показалось.

— Устал ты, — Юрка покачал головой. — Спи давай. Ещё полчаса.

— Ага, — Андрей закрыл глаза, чувствуя, как проваливается в темноту. Густую, вязкую, не помнящую снов.

Он задремал. И ему больше ничего не снилось — только серая, глухая пустота. Будто кто-то нажал на паузу.

Резкий толчок в плечо выдернул его из дремы.

- Смотри, что это? — голос Юрки хрипло дрожал. - Андрюх, ты это видишь??? И протянул трясущуюся руку вперед.

- Что такое, что? — растерянно огляделся Андрей.

Вокруг царил непроглядная тьма и безмолвие осеннего леса. Внезапный порыв ветра яростно встряхнул кроны, пригибая к земле. Лес зашумел, замахал сучьями, швыряя листья в лобовое стекло. Андрей, похолодев, оглянулся:

— Мы где? Где ребята? Включи фары! Заглох?

- А вот что! — засмеялся Юрка. В следующее мгновение в ночи загорелся разноцветными огнями коттедж, по периметру которого переливались огни ярких гирлянд, даже штaketины

забора сияли теплым ламповым светом. - Что, обделался? - и Юрка показал зажатый в протянутой руке пульт от системы подсветки: - Круто, да?

- Да пошел ты! – разозлился Андрей. – Сейчас бы сиденье отмывал! Шутник, твою мать!

- Сюрприз!!! – закричали у него над ухом голоса и только сейчас он увидел ребят, снимающих его реакцию на телефоны. Юрка, посмеиваясь, вышел из машины: – Видел бы ты свое лицо, бро!

- Еще успею, – буркнул Андрей и не удержавшись, рассмеялся. – Всех уже успел приколоть или мне так повезло?

- Пионэром был Валерка, – Юрка открыл дверь багажника и стал доставать сумки и пакеты, раздавая ребятам. – Чуть из машины не удрал, мы петарду взорвали – а-ха-ха, еле остановил. А как орал! Такой ругани не на каждой стройке услышишь. А вот и они.

На дороге лег свет фар приближающихся машин, Юрка помахал рукой, показывая удобную парковку.

«Ох и дурак, – подумал Андрей. – Аж по башке иногда хочется дать. Так, а что там снилось-то? Лес, деревня, блин, забыл...» Запахнув куртку, выбрался из теплой машины в прохладный осенний вечер.

Машины подъехали к дому и захлопали дверьми, выпуская из уютных салонов гостей.

Оператор сектора: нестабильность восприятия у субъекта Андрей. Резонанс — 2 б.п. Переход между состояниями (явь/сон) зафиксирован. Остаточный след коррекции стерт.

Администратор сектора: в пределах нормы. Не превысит 3 б.п. — не вмешиваться.

Оператор сектора: Принято. Субъект выходит из зоны контроля.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЛЮБЛЕННЫЕ

Армен и Тата, Москва, Хамовники, за десять дней до событий на даче

Ты пришла

— Лапуль! — промурлыкал Армен, нежно целуя изящную лодыжку Таты, показавшуюся из-под атласного одеяла. — А где синий галстук, мон ами?

— Отстань, зануда, — зевнула Тата, отдёргивая ножку. — Достал. Кофе лучше сделай. В гардеробе, в прихожей, где же ещё?

— Я в печали за такой приём, мон шер, пойду утоплюсь, — скорчил обиженную гримасу Армен. — И этой женщине я отдал лучшие годы...

— Ага, мон шер, иди в душ, топись, спать не даёшь... Это мой кофе? Давай! А это что — круассаны? Да ты мой герой!

— Ага, а ещё джем. Что, прощён, сладкоежка?

— Ещё как! — Тата села в постели, откинув одеяло, взлохматила иссиня-черную копну волос. — Давай пока кофе. Ммм, божественно, — она критично смерила взглядом Армена, стоящего у её изголовья на коленях. — Так и быть, живи, смертный, помилован.

— Это всё? — удивился Армен. — А поцелуй после казни?

— Ладно, иди сюда, целовать желаю! — Тата, отставив чашку на столик, потянулась к нему, обвила шею тёплой рукой и крепко поцеловала в губы. — Сладкий мой, люблю тебя. Сколько там времени, не проспал? Студентки, небось, заждались?

— Я спал всю свою жизнь до встречи с тобой, — улыбнулся Армен, целуя ладошки девушки. — Только этот галстук найти не могу... поеду так, беспризорником... к студенткам.

— Точно, в костюме от Бриони, давай, босота, оценят, — засмеялась Тата. — На полке лежит, наверху смотри, рыцарь печального образа.

Армен переставил поднос с круассанами и розеткой малинового джема, украшенный пышной эквадорской розой нежного кремового оттенка, на подставку в кровать:

— Наслаждайся, не скучай, я быстро.

— Как всегда, — ерничала Тата. — Ох, что в жизни, что в постели...

Армен грозно выглянул из-за двери, за которую успел выйти:

— Что-то мне почудилось, n'est-ce pas?

— Па-па, почудилось, почудилось, топай уже, — улыбнулась Тата. — Мой герой! Ты — лучший! — и зачерпнула ложечкой джем. — Ммм, вкусно!

Она потянулась, изогнувшись, как кошка, прозрачный пеньюар соскользнул с её плеч, обнажив красивую пышную грудь — Армен застонал раненым барсом и убежал в ванну.

Тата откинула занавесь шёлкового балдахина, свисавшего над кроватью, надела расширенный золотой вязью халатик и вышла на широкую террасу, опоясывающую по периметру пентхауса высотки.

Подойдя к краю, облокотилась о поручни и задумчиво посмотрела на бликующую внизу водную гладь Москвы-реки.

Бабье лето отдавало последнее тепло большому городу, золотилась листва в ярких солнечных лучах осени, зайчиками искрилось русло реки, неслись машины по каменным набережным. Столица жила обычным ритмом своей жизни, не замедляя бег ни на секунду.

Девушка всё ещё смотрела на расстилающуюся панораму, уйдя в свои мысли, когда её ласково обняли руки любимого и нежный поцелуй в стройную шею заставил зажмуриться от удовольствия.

— Сейчас кто-то никуда не уедет, — замурлыкала котёнком она. — Мой любимый тигрёнок, мой сладкий пирожок. Берегись!

— Всё-всё, убегаю, Ташечка, улетаю, — Армен подхватил её на руки, закружил и бережно положил на мягкий диван летней террасы. — Люблю тебя!

— Галстук-то нашёл?

- Нашёл! Убегаю!
- Ещё один поцелуй!
- О дааа!!!
- Всё, всё, умчался!

Заботливо накрыв девушку пледом, Армен вышел с террасы, по пути прихватив пиджак и дипломат.

В зеркальном холле прихожей приложил ладонь к сенсорной панели — бесшумно разошлись двери лифта, отделанного чёрным с золотыми прожилками мрамором.

— Паркинг, — произнёс он.

— Принято, Армен, сегодня прекрасная солнечная погода, хорошего дня, — пожелал мелодичный голос.

Мягко сомкнулись створки, зазвучал Осенний вальс Шопена. Лифт неслышно поехал вниз, на личную парковку, выпустил Армена в холл ярко освещённого парковочного пространства, где располагались их автомобили.

Всем остальным жильцам корпуса предлагалась только общая парковка.

Если у Таты была Tesla Model X, то он предпочитал настоящий рык бензинового движка восьмёрки БМВ, хотя специально для драйва держал в гараже Субару WRX STI, но сегодня был не тот случай.

Интеллектуальный помощник, интегрированный в систему дома, уже прогрел машину, настроил климат и навигацию, предупредительно открыл дверь водителя на подходе.

Комфорт во всём великолепии, подумал Армен, сел в салон и выехал с паркинга — ему предстоял неблизкий путь в Одинцовский филиал института.

По пути, рассеянно прослушивая почтовые и голосовые сообщения, он с невольной улыбкой снова вспоминал, как они познакомились с Татой...

... Они познакомились на факультете лингвистики Одинцовского кампуса МГИМО, где Армен читал курс лекций по межкультурной коммуникации для бакалавров.

В 2017 году открылся новый филиал института, и молодой аспирант, потомственный лингвист-международник в пятом поколении, помимо разработки собственных программ обучения, занимался преподаванием, вёл несколько потоков. Им уже было написано несколько серьёзных трудов, высоко оценённых мировым сообществом.

Предки Армена были посольскими толмачами-переводчиками при дворе батюшки-царя Российской Империи, но после революции семнадцатого года эмигрировали в Америку, надеясь сохранить положение и вполне ожидаемо оказались никому не нужны — чужбина не собиралась их принимать, несмотря на научные степени и признание.

Тогда прадед Армена по линии отца написал прошение на имя Иосифа Виссарионовича, нашёл нужных людей, всякими правдами и неправдами добился разрешения на возвращение в РСФСР.

Специалистов его уровня в стране просто не было, поэтому он быстро завоевал расположение власть предержащих, вступил в партию, официально, через газету, отказавшись от буржуазного прошлого, и присягнул на верность коммунистическому строю.

Репрессии конца тридцатых годов не коснулись ни его, ни семьи, так как прадед-профессор всегда был вхож в самые высокие кабинеты и никогда не участвовал в политических интригах того сурового времени.

Более того, на Тегеранской конференции «большой тройки» 1943 года он был в составе делегации и лично курировал работу лингвистов-переводчиков на переговорах...

... После лекции, ответив, со свойственным ему юмором, всегда вызывающим оживление аудитории, на вопросы студентов, он включил интерактивную панель-проектор и, размышляя над своей новой идеей, наблюдал за потоком, отмечая про себя реакции парней и девушек.

Армен умел интересно подавать материалы курса, поддерживая и развивая любые, даже самые острые дискуссии, что не раз поднимались в процессе обсуждений. Мог доступно объяснить не только то, что нужно знать и учить, но и как наиболее действенно это сделать.

Поэтому начинающие дипломаты обожали его лекции и относились с уважением к молодому преподавателю — светлый атмосферный зал был традиционно полон слушателей бакалавриата.

Тем временем Армен записывал в планшет комментарии относительно технической стороны видеолекций — в своей идее он решил предложить использовать так называемый «эффект Моцарта» и подумывал о возможных вариантах подачи этого интересного способа.

Термин возник в 1991 году и стал популярным после публикации исследований в авторитетном журнале Nature, где предполагалось, что классическая музыка может положительно влиять на когнитивные функции обучающихся.

Правда, эффект длился недолго, но результаты уже можно было считать заслуживающими внимания и, возможно, перспективной разработкой для многих сфер применения, так как затрагивал ресурсные состояния организма человека.

В гулком зале аудитории, сквозь доносящийся из динамиков голос лектора, вдруг раздался громкий звонок смартфона — на устройстве заиграл рингтон группы CONSOUL TRAININ — Obsession.

— My baby, my baby, My lady, my lady, You are my obsession yeah...

Армен чертыхнулся про себя: «Неужели забыл отключить звук?» — и, не отрываясь от записей, потянулся рукой во внутренний карман костюма, когда понял, что звонит не его трубка. «Нет, не моя. Кто, интересно?» — он поднял взгляд и... утонул в карих глазах смущённой девушки в первом ряду, что тщетно пыталась отключить звук вызова смартфона, затерявшегося на дне её рюкзака.

— Простите, — виновато улыбувшись, произнесла она. — Надеюсь, не сильно помешала...

Армен, с трудом оторвавшись от её милого раскрасневшегося лица, хотел произнести обычное: «Да ничего, просто отключите звук», но что-то подтолкнуло его спросить:

— Вам тоже нравится этот трек?

— Да, нравится, — с ноткой вызова в голосе ответила девушка, справившись со смущением, и спокойно посмотрела ему прямо в глаза, не отводя бархатистый взгляд.

Передний ряд сидений в этот раз был пуст, и никто не обращал внимания на них, как будто они находились вне времени-пространства.

— Почему? — Армен, невольно улыбаясь, не отрывал взгляд, нарушая все этические нормы, игнорируя аудиторию, не в силах остановиться. — Мне, например, в этой музыке слышится тоска и печаль. А вам?

Девушка, не задумываясь, ответила:

— Одиночество и печаль, наверное. А встречный вопрос...

Но прозвенел мелодичный сигнал, знаменующий окончание лекции. Аудитория загудела разноголосьем и к кафедре потянулись студенты, каждый со своими вопросами.

Когда зал опустел, Армен с чувством сожаления и недосказанности собрал в дипломат материалы и направился к выходу. Из головы всё не уходил образ его невольной собеседницы. Какой, интересно, вопрос она собиралась задать? Почему он так задумался, что его так зацепило? Мало ли в его жизни было и будет красивых и молодых женщин? Он же волк-одиночка, не верящий в любовь и самопожертвование.

Тут раздался звонок телефона, снова проигрывая трек Obsession. Армен, забирая с вешалки пиджак, не глядя, коротко ответил на вызов:

— Слушаю.

— Баравдзес, амиго! — ворвался в трубку жизнерадостный вопль Юрки. — Сегодня пятница, ночные покатушки в Тушино намечаются. Ты в теме?

— Ночные? — задумался Армен. — Там же запрещено. Крайний раз с мигалками гоняли?

— Валерка договорился, всё будет норм. Они с бате́й как раз пару «матрёшек» («матрешка», на сленге стритрейсеров – машина, усиленная защитной арматурой и обвесом, создана для заездов с жестким контактом – прим. автора) латают, будут тестить, заодно нас на трек загонят. Начало в 21:30. Гоняем штатно, на своих.

— Круто! В теме! Субарушка уже соскучилась по драйву. Ты на Хонде нас сделать решил? — усмехнулся Армен.

— Мне Супру подгонят подубасить. Там и посмеёмся, амиго! Встречаемся на месте, давай к 9 подкатывай. На связи, мэ́н, — дал отбой Юрка.

Примерно раз в месяц ребята собирались в Тушино на автодроме, где устраивали себе праздник, включающий гонки, азарт и весёлые шумные посиделки после драйва. Молодость, адреналин, новые интересные знакомства — они были своими в стритрейсерской тусовке ночной Москвы.

И сейчас, заруливая на парковку возле комплекса, Армен ожидал увидеть разномастную толпу гонщиков-любителей, их подруг-друзей и болельщиков, но на площадке было странно немногочисленно. Только вдали, на старте, стояло несколько машин и гудели в боксах движками «матрёшки» в окружении технарей в робах, склонившихся над открытыми капотами.

Справа, ближе к трибунам, под тентом располагалась компания ребят и девчонок. Армен, припарковавшись поближе, направился к ним. Приветствуя всех, спросил причину немногочисленного собрания и получил ответ, что все их закадычные соперники укатили в Тверь на очередной фестиваль авто-мото.

— Так что сегодня по-лайту, — заявил Юрка. — Покатаемся парами. Валерка на Ниссане, Серге́е Эклипс недавно пригнали, Галя хочет попробовать свою Ауди RS4 в бою. Мы с тобой, да ещё одного пилота, точнее пилотессу, ждём.

— Здорово, драйверы! — Валерка вразвалочку подошёл к компании. — Есть вариант «матрёну» погонять, японочка. Кто в пару штурманом? Два круга по меткам, пробный прогон. Завтра заказчику сдавать, хочу видосов накидать.

— Девчонок покатай, — предложил Серге́га. — Может, Гале будет ещё интересно. Галек, поедешь? Или Леся сначала? Только громко не визжать! — все засмеялись.

— Я, я поеду! — заторопилась Леся. — Погнали, сейчас шлем возьму, на свою камеру буду писать. Галек, не против?

— Езжай, — улыбнулась Галя. — Мы пока пообщаемся, всё-таки давно не виделись.

И, зная, что Армен всегда возит с собой гитару, попросила его, сделав умильное лицо:

— Арменчик, лапочка, сыграешь нам для души, пожааалуйста? Я вот тебе местечко держу. — Она похлопала по скамейке рядом.

— Не вопрос, милая, — подстраиваясь под её тон, произнёс Армен, вздохнул и пошёл за гитарой.

Он действительно виртуозно играл, а его хрипловатый баритон буквально очаровывал слушателей. Но сейчас ему самому хотелось прикоснуться к струнам.

«Затосковал ты, парень», — подумал он, расчехляя инструмент.

Как только он начал играть, смолкли голоса и в майской вечерней прохладе заплакала бесконечным одиночеством гитара.

Луна вышла из-за облаков, ярко освещая группу ребят, зачарованно слушавших первые аккорды Obsession.

А когда Армен запел, склонив голову, в его голосе прозвучала такая тоска и печаль, что, казалось, застыл весь мир, сопереживая:

— I got a confession, I got an obsession, Baby it is you, You will always be my boo...

Никто сначала и не понял, что играют уже две гитары, пока не зазвучал припев и девичий голос гармонично подхватил песню:

— My baby, my baby, My lady, my lady, You are my obsession yeah...

Армен поднял взгляд, и его глаза загорелись нежностью и любовью. Он больше не отрывал взгляд от девушки с гитарой и, казалось, пел только для неё одной.

Последний звук ещё плыл в ночи, а он уже стоял напротив неё:

— Ты пришла...

Аномалия на трассе

Администратор сектора: прошу включить в дубль Д17-1, причина — резонанс более 5 Баллов Потока, возможно искажение Базовой Линии. Необходим сброс.

Анализ:

... (Свёртка событийной ветки Д17, откат к моменту встречи, субъекты разбиваются на гонках) 15 б.п.

... (Откат - коррекция встречи субъектов, исключение знакомства) 25 б.п.

... (Смена событийной линии) 3 б.п. — принята корректировка Д17, сброс резонанса в дубль Д17-1, копия основной ветки сброшена в Д17-2

Действие: коррекция текущей событийной линии, временный сдвиг линий субъектов в Д17-1, с возвратом в Д17 по утиханию амплитуды до 2 б.п.

Оператор Ветви: Одобрено

... Раздался мелодичный сигнал головного сообщения, система комфорта услужливо подсказала: «Любимая моя», он нажал кнопку на руле, слушая запись.

— Милый, привет, — произнёс динамик громкой связи голосом Таты. — Перезвони, как удобно. Надо поговорить, мама настаивает на переезде, решила начать.

Армен улыбнулся — какое совпадение! — и произнёс:

— Любимая моя.

Система набрала номер Таты:

— Весь твой, счастье моё. Всё-таки Сантьяго?

— Да, котик, Сантьяго, — Тата вздохнула. — Жаль уезжать, конечно. Здесь ещё столько дел, друзья... Надо бы с ребятами попрощаться. Дома обсудим, малыш, приезжай быстрее. Я пока Льву Самсоновичу наберу, он уже в курсе. Подумай заодно, что его команде делегировать будем. Заметки скину на мейл. Целую, родной.

— Люблю тебя, моя королева... — дал отбой Армен.

Оператор Ветви: Фаза сна, субъект А. 92% контроля. Начинаем дестабилизацию. Сдвиг в Д17-1. Запуск контрольного дубля Д17-2 санкционирован. Копирование ветки Д17 в Д17-2. Основная линия остаётся неизменной.

Армен уже собирался свернуть с трассы на съезд к Одинцово, когда навигатор мерзко зашипел и погас. Потом загорелся снова, но карта... карта была другой. Вместо четкой линии Можайского шоссе на экране горела красная пульсирующая точка посреди чёрного пятна.

— Сбой? — пробормотал Армен, нажимая кнопку reset на панели бортового компьютера.

Система не отвечала. В салоне резко похолодало, настолько, что изо рта пошёл пар. Июльское утро за бортом пылало +25, но стёкла изнутри начали покрываться инеем.

Армен хотел включить дворники — и тут увидел ЕЁ.

На пустой трассе, прямо посередине полосы, стояла Тата. Не та растрёпанная сонная девушка, которая совсем недавно пила кофе, а другая. В чёрном, облегающем тело комбине-зоне, с абсолютно белыми, как у мёртвой, глазами. Она улыбалась, но рот открывался слишком широко, как у змеи, заглатывающей добычу.

— Лапуль... — прошептал Армен, нажимая на тормоз.

BMW не остановился. Педаль ушла в пол, как в вату. Машина поехала быстрее. На тахометре стрелка крутанулась на 7 тысяч, затем на 8. Двигатель взревел, но звук был жуткий — будто внутри поршней молотят не искры, а трещат человеческие кости.

— Это сон, — похолодев, закричал Армен. — Ты спишь, ты за рулём, очнись!

Он вцепился в руль, до хруста сжал пальцы. В зеркале заднего вида отражалось заднее сиденье.

Там, пристёгнутый ремнём, сидел... он сам. Только другой он. Лицо-маска, стертые черты, пустые глаза, смотрящие в никуда, не человек - робот, автомат. Копия перевела на него безразличный взгляд, пронизанный ледяным спокойствием и шевельнула губами:

— *Твоя жизнь — коррекция. Вы оба — дубли.*

Содрогнувшись, Армен бросил взгляд на дорогу - фигура Таты исчезла. Армен снова ударил по тормозам — педаль провалилась в пустоту, руль застыл в повороте. Машину повело по дороге, набирая скорость она упрямо летела прямо в бетонный отбойник. Мир дёрнулся, рассыпался на миллион осколков стекла, хруста металла и звон.

А потом — тишина. Идеальная, ватная тишина, в которой даже не было слышно дыхания. И запах озона. Холод.

Армен открыл глаза.

Его БМВ стояла ровно на парковке у кампуса, абсолютно целая, не помятая, вполне себе новая. Рядом сигналила маршрутка. Пахло чебуреками из киоска напротив. Навигатор показывал маршрут. Климат дул теплом.

— Галстук... — хрипло сказал он, трогая свою шею.

Галстук был повязан идеально. Но за воротником рубашки он нащупал шрам. Тонкий, ещё сырой. Такой бывает после наложения хирургических скоб. Его не было утром, да и вообще никогда не было. «Что за чертовщина», — подумал он, ощущая поднимающуюся волну паники. — Что за ерунда? — повторил вслух, ощупывая горло дрожащими руками. Шрам исчез.

Телефон звякнул, трясущимися руками он взял трубку. СМС с неизвестного номера:

«Доброе утро, Армен. Ваш дубль Д17-1 аннулирован. Вы — в Д17. Хорошей жизни. Герман»

- Бред! – вытер лицо липкими пальцами, чертыхнулся, полез в дипломат за платком.

Внутри, там, где лежали исследования по «эффекту Моцарта», вся папка была залита свежей, ещё липкой, синей офисной жидкостью. Ручка «Паркер», подарок Таты, лежала на боку. Её он закрывал колпачком, всегда.

Чёрный круг в небе, прямо над кампусом МГИМО, который не видел никто, кроме избегающих его птиц, медленно таял в утренней дымке...

... Весь день прошел в странном оцепенении, он никак не мог избавиться от ощущения стылого ужаса, гнездящегося глубоко внутри. И ощущения незавершенности, нереальности настоящего.

Звуки казались резкими, приветствия коллег давили на перепонки серым шумом. Он улыбался, отвечал, пожимал руки. Но это был просто рефлекс. Автоматический отклик.

«Заболел? – подумал он. – Нет, не похоже. Домой бы побыстрее. Как там Тата?» - заныл в сердце тревожный звонок.

После совещания у декана, где он, слава Богу, ничего не докладывал, надолго засел в студкафе «DreamCoffee», отходя от пережитого ужаса? сна?, переписываясь с Татой. На душе полегчало. Через час наваждение сошло на нет и он влился в привычный ритм студенческой жизни...

Кузнец

Идею уехать из страны предложила мама Таты, которая всей душой приняла Армена в семью. Внешне строгая, в душе — очень женственная, Лилия Георгиевна была основательницей бизнес-империи «Смородинка», собственником одного из ведущих маркетплейсов России.

И сейчас, поговорив с Татой о поездке в Чили, она привычно раскрыла файл сводки по оборотам за прошлый месяц.

Потенциальная возможность захватить рынки Южной Америки требовала финансовых вливаний, и она углубилась в расчёты, составленные аналитиками. А суммы предстояло выводить немалые, тем самым нагружая компанию, приостанавливая другие, не столь рискованные проекты.

Вникнув в цифры, она откинулась в кресле и задумалась:

— А стоит ли? А вдруг прокол? Да не просто прокол, а дыра...

— Ладно тебе, справится наш десант, а там посмотрим, — уверенно ответила её любимая дочь, ещё раз детально обсудив с мамой проект. — Тем более мы будем не одни. Охрана круглые сутки, не заморачивайся. Если что — мы сразу улетим. Уже год рассматриваем, всё готово, ты знаешь.

— Криминальные моменты никто не отменял, — заметила Лилия Георгиевна. — Знаем, читали. Хорошо, прикинем варианты. И надолго задумалась, перебирая бумаги.

— Решено, будем делать, рискнём, — подумала она вслух.

Нажав кнопку интеркома, попросила секретаря: — Напомните, пожалуйста, Катя, совету директоров, что собрание по Чили через час. Организуйте видеочат с инвесторами из списка, на проектор. И ещё: заседать будем долго, закажете потом перекус. А пока сделайте кофе. Спасибо.

Задумчиво пройдясь по солнечному холлу, она облокотилась на чёрный рояль, расположившийся в панорамном эркере сотого этажа Москва-Сити. Проведя пальцами по лакированному красному дереву, решительно села на банкетку и открыла крышку.

По этажу поплыли тревожные аккорды Лебединого Озера. Печальные и одинокие, они несли в своем ритме отголоски ее, Лили, молодости, ее жизни...

Лилия не любила вспоминать смутные 90-е, время становления олигархических капиталов и тотального обнищания великой страны, буквально разорванной на куски приватизаторами и бандитскими группировками.

Рожденная в семье коренных москвичей, которые всегда жили на Волхонке, изящная, тонконогая девушка, с музыкальным образованием, Лилия готовилась поступать в филармонию, но даже не могла представить, что прекрасное будущее закончится в одночасье.

Московские мостовые загрохотали траками танков, выстрелы разносили Белый Дом, по телевизору, нагнетая тревогу, транслировали лебединый балет, именно тогда жизнь изменилась на до- и после-

Она очень хорошо запомнила, как отец, доктор исторических наук, чтобы прокормить семью, занимался извозом на своем стареньком «Москвиче», как бабушка, распродала уникальные китайские вазы и меховые шубы за бесценок на стихийных рынках, заполонивших город.

Осенью, под проливным дождем, копались на дачном огороде, собирая в мешки картошку, свеклу и морковь. Тот год запомнился чувством постоянного голода и холода. Когда от сердечного приступа скончался отец, а следом ушла и бабушка, ей, семнадцатилетней девочке, пришлось взять ответственность за семью на себя.

Мама, резко постаревшая, седая и почерневшая от горя и безысходности, отрешилась от всего, перестала интересоваться жизнью, безучастно сидела у окна и часто плакала. Приходилось ухаживать за ней, как за малым ребенком, кормить, поить и мыть. Эпоха перемен, не каждый смог вынести эти проклятые 90-е.

Лиле пришлось таксовать, сделать права помог сосед-гаишник, правда, стоило это песцовой шубы, которую подарил ей папа из своей последней зарубежной поездки в ФРГ. Она берегла ее, как память об отце, который нежно любил ее, единственную дочку. Мой Цветочек, так всегда он ласково ее называл...

Стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, с каменным лицом, она сунула в руки лощеному гаишнику чехол с шубой, получив заветный прямоугольник.

- Ты это, - сытно рыгнув, произнес толстый дядя в заляпанной пятнами кетчупа майке, сквозь которую обильно кучерявились волосатая сисястая грудь. – Заходи, если что, повеселимся, мужик-то есть? Голодная, небось?

И полез жирными руками ей под блузку. Лилю вырвало прямо ему в лицо. Того аж перекосило, а Лиля, вырвавшись из загребущих лап, сдерживая новые позывы, шмыгнула за дверь, закрыла дрожащими руками замок, осела на пороге и расплакалась.

- Скотина, - рыдала она. – Сволочь, мразь, тварь, ненавижу...

Это была реакция на все, что было до того: она не позволяла себе ни единой эмоции – даже на похоронах отца и бабушки не проронила ни одной слезинки...

Они были чем-то похожи — эти люди, что с удовольствием приняли начинающийся распад империи и жадно, чавкая, наживались на всём, до чего дотягивались их загребущие пальцы.

Нарыдавшись, Лиля вышла из дома, ожесточенно вытерла следы слез на щеках, села в свой «Москвич» и со всей силы ударила ладонями по баранке.

В бардачке что-то звякнуло. Лиля открыла крышку. Там, среди салфеток и старых квитанций, лежала статуэтка. Маленький, иссечённый временем идол-нэцке — еще один подарок отца из той самой поездки в ФРГ.

— Береги, Лиля. Это Кузнец, — сказал тогда отец. — В старых курганах похожих иногда находили. Говорят, он не дорогу показывает — он меняет форму вещей. Доброе делает злым, целое — треснувшим. Держи подальше от сердца.

Сейчас, при тусклом свете уличного фонаря, она заметила, что спина фигурки дала трещину. Глубокую, чёрную, как вход в пещеру. Из трещины пахло гарью и окалиной. Фигурка дернулась в руках, как живая.

«Когда же это...», — подумала Лиля, проводя пальцем по сколу.

В этот момент радио в машине захрипело, «Маяк» пропал, побежали обрывки передач, словно кто-то крутил ручку приемника, гул и свист заполнили салон. Внезапно сквозь шум помех радио выдало чужой, холодный, металлический голос:

«Субъект Л-17-Г. Протокол коррекции исторической ветки: 1985–1991. Искажение базовой линии — 34 балла. Разрешён коллапс и ...»

Резкий скрежет прервал вещание, радио, мигнув, отключилось.

Лиле показалось, что из трещины пахло жаром, ошпарило руки. Зашипев от боли, выбросила фигурку на обочину, растерла обожжённые пальцы, завела машину и уехала. Но идол остался лежать на дороге, треснувшая голова смотрела прямо на Кремль.

Именно с этого момента в стране началось то, что назовут крахом Империи. Распад. Деньги испарились, законы сломались, добрые люди стали волками.

Фигурка свернутого бога треснула — и по фундаменту страны пошли трещины.

Хаос воцарился не сам собой. Его разрешили сверху...

... — Значит так, детка, на, хочешь здесь работать – придется платить, поняла, на?

Опухший от пьянки мордорот в милицейской форме, с погонами капитана, сидя в потрепанном кресле, хмуро смотрел на нее, почесывая отвисший живот.

В кабинете привокзального опорного пункта воняло, как на помойке, даже мухи летали в затхлом, душном воздухе с видимым отвращением.

- Че молчишь? Вход – 100, платишь за месяц вперед, с новых – 200, на. Депозит е-мое. Давай. По-другому – никак, на. Ну?

- Сто чего?

- Баксов, мать, чего же еще? – удивился мент, поморщившись после сытной отрыжки. – Ты откуда такая? Пришлая, штоль, на?

- Местная. Много просишь, отец, не кажется? – дерзко ответила Лиля, привалившись к косяку двери, поигрывая брелком от машины, брезгуя зайти в пункт. – Давай так – что заработаю со смены, 10 процентов – твои? Ну?

- Гну. Ноу мани – ноу хани, поняла, на? Гони баксы и работай. Давай, не умничай, на.

- Да на, на, держи, - Лилия протянула мятые сотки с американским президентом. – Все? Больше твои нукеры гонять не будут? Задрали, сволочи.

- Так у них работа такая, на, - повизгивая, заржал мент. – Каждому это, свое, поняла? Работай иди, на. Тридцатого заносишь до обеда. 100. Свободна, на.

С тех пор Лилия стала своим парнем на привокзальной площади.

Встречая, провожая, отвозя людей, слушая очередную серую историю жизни, она мечтала о том, чтобы черная полоса в стране быстрее закончилась, ну не могут нормальные люди жить в подобном скотстве. Это не моя жизнь, решила она, это – не про меня. Так жить нельзя!

И лучик света однажды пришёл.

Как обычно, развозя вечером поздних пассажиров, она, решив, что это — последний рейс, собиралась ехать домой, когда в окно машины, залитое каплями дождя, уверенно постукали:

— Свободны? Едем?

Лилия вышла из машины. Перед ней стоял высокий парень в военном комбезе. С плеча свисал брезентовый потёртый рюкзак, набитый под завязку. В руке — коричневый кейс, которым он прикрывался от ливня.

— Да вы садитесь, промокнете. Сам в багажник положу, — деловито сказал он и пошел класть вещи.

Пожав плечами, она села за руль. Хлопнула дверь. Парень, повернувшись к ней, с обезоруживающей улыбкой протянул руку:

— Артём, будем знакомы.

Его открытые синие глаза с любопытством смотрели на неё, не отрывая взгляд.

— Лилия, — буркнула она, скрывая внезапное смущение. — Куда едем?

— Пока прямо, — улыбнулся он. — Едем домой, мама ждёт. На Волхонку.

— Куда? Я там живу.

— Интересно, соседи. Вот это да! — заметил Артём. — Красный кирпичный дом за пятым знаете?

— Небольшой такой, на два подъезда?

— Точно, он самый!

— А мы в пятом и живём с мамой, — улыбнулась Лилия. — Только я вас не знаю...

— Теперь знаете. Ну что, домой? — засмеялся Артём.

— Поехали, мой поздний пассажир. Домой...

Так она, тонкая, музыкальная девушка, встретила его — воина-афганца, всего в шрамах прошлых войн. А он, возвращаясь домой, встретил её — свою судьбу.

Через два года родилась Тата.

Пентхаус в Хамовниках, вечер.

За три дня до событий на даче

Тата стояла перед зеркалом в ванной, смывая макияж. Армен возился на кухне — раскладывал заказанные суши, помыл и порезал фрукты, открыл бутылку белого, в общем - навёл романтик под пластинку с мелодичным релаксом.

— Милый, — позвала она. — Не убирал мои серёжки? Я положила на тумбочку, а сейчас нет.

— Какие? Те, с жемчугом?

— Да, мамины. Она их на нашу помолвку дарила, помнишь?

— Не брал, клянусь. Мамой клянусь, - засмеялся он.

Тата вздохнула, открыла шкатулку с украшениями. Серёжки лежали на месте. Странно. Она же смотрела сюда минуту назад.

Она подняла взгляд на зеркало и... замерла.

Её отражение улыбалось. Но сама Тата не улыбалась.

— Армен, — шепотом позвала она.

— Бегу!

— Армен, иди сюда. Медленно.

Он вошёл в ванную, на ходу вытирая руки полотенцем.

— Чем помочь? Спинку потереть? Моя кисулочка...

— Тихо. Посмотри в зеркало. Ты видишь меня?

Он посмотрел. Увидел Тату. Бледную, с расширенными зрачками. И её отражение — которое стояло к нему вполоборота, а не прямо, как требовала геометрия.

— Что за чертовщина... — прошептал Армен. — Я это уже...

Отражение Таты поднесло палец к губам. Беззвучно: «Т-с-с-с». А потом шевельнуло губами ещё раз, уже отчётливее:

— *Ты разбилась на гонках. Меня скопировали. Ты - дубль.*

Зеркало быстро затянула пелена испарины, прорвавшейся из домашней сауны, изображение поблекло, растаяло в мути водяного пара.

Тата отшатнулась от зеркала, схватила халат, быстро в него завернулась. Ее бил озноб.

- Что? Ты это видел??? Армен?

Обернувшись, пристально рассмотрела себя в другое, большое, вертикальное зеркало, бликующее ламповой подсветкой – все было нормально. Выдохнула с облегчением:

— Устала, наверное. Смена была тяжёлой. Фестиваль этот... И вино... — она покачала головой, продолжила, сомневаясь: — Привидится же такое.

— Нет, малыш. Ты видела то же, что и я, — тихо сказал Армен. И, осторожно прикасаясь к стеклу, быстро протер его одним движением, наискось снимая испарину. Все было обычно во всех зеркальных отражениях.

— Может быть. А может, нам обоим показалось. — Тата посмотрела на своё отражение — обычное, послушное, не улыбающееся без спроса. — Или нет?

Они стояли друг напротив друга и в тишине ванной было слышно только капающую воду из крана. Где-то далеко, на кухне, пластинка зашипела на паузе между треками.

— Милая, — сказал он осторожно. — У тебя когда-нибудь было такое чувство, что ты уже жила этот день? Что всё вокруг — дежавю?

Она кивнула, не поднимая глаз, задумчиво перебирая украшения.

— У меня это никогда не прекращалось, — прошептала она. — Каждое утро. Каждое «доброе утро». Я чувствую, что мы уже говорили эти слова. Сто раз. Тысячу. Но это глупости. Просто усталость.

В спальне зазвонил телефон. Армен пошёл на звук. На экране — неизвестный номер и текст сообщения:

«Субъекты А и Т. Ваш дубль Д17-2 — в архиве. Причина аннуляции: гибель на несанкционированных гонках. Дубль Д17-1 — активен. Возврат в Д-17 доступен по истечению...»
Сообщение прервалось, экран замигал, зарыбил, фон заскрипел по динамикам пентхауса, стих. Смартфон лежал на ладони мертвым кирпичом, выключен.

Армен медленно, как сомнамбула, вернулся в ванную. Где-то это уже было. Нереальность происходящего пугала до дрожи в коленках.

«Завтра разберусь, - решил он. Потом. Ничего страшного. Просто дурацкая шутка. Вирус. Сбой. Сейчас есть только мы. Все хорошо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.